

Министерство науки и высшего образования РФ
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

Международная
научно-практическая
школа-конференция
молодых ученых (24—25 ноября 2020 г.)

История России с древнейших времен до XXI века: *проблемы, дискуссии, новые взгляды*

Сборник статей участников

Москва
2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор), С.В. Журавлёв,
В.Н. Захаров, Д.Б. Павлов, В.Н. Круглов (ответственный редактор),
О.А. Плех, С.П. Ким, Ю.С. Филина

И90 История России с древнейших времен до XXI века : проблемы, дискуссии, новые взгляды [Текст] : сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых ((24—25 ноября 2020 г.) / [отв. ред. : Ю.А. Петров, В.Н. Круглов] ; Министерство науки и высшего образования РФ ; Институт российской истории РАН ; Совет молодых ученых ИРИ РАН . — Москва : Институт российской истории РАН , 2020 . — 454, [2] с. : табл.

ISBN 978-5-8055-0387-1

Сборник содержит материалы Международной школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», прошедшей в ИРИ РАН 24—25 ноября 2020 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Древней Руси и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, церкви, экономики, медицины, науки, внешней политики и многие другие.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8055-0387-1

© Институт российской истории РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

Военнопленные Польско-советской войны 1919—1921 гг.: сравнительный анализ

Аннотация. В исследовании на базе архивных материалов и опубликованных источников рассматривается положение военнопленных польско-советской войны в лагерях, располагавшихся на территории Польши и Советской России. Сравниваются численность военнопленных, условия их содержания, агитационная работа среди них, привлечение к физическому труду. Первые данные о пленных у двух сторон конфликта появились весной 1919 г. В польский плен попало в 20 раз больше солдат, чем в советский. В Польше была использована уже созданная сеть лагерей в то время, как в Советской России (особенно её центральной части) систему лагерей создавали с нуля.

Ключевые слова: польско-советская война, военнопленные, условия содержания, трудовое использование, агитационная работа, смертность.

PRISONERS OF WAR OF THE POLISH-SOVIET WAR OF 1919—1921: COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The study, based on archival materials and published sources, examines the situation of prisoners of war of the Polish-Soviet war in camps located on the territory of Poland and Soviet Russia. This problem remains one of the most debatable issues in modern historiography. There are also no comparative studies on the topic that could reveal similarities and differences in the stay of prisoners of war in countries. The number of prisoners of war, their conditions of detention, propaganda work among prisoners of war, and physical labor are compared. The first data on prisoners from the two sides of the conflict appeared in the spring of 1919. In the Polish captivity got 20 times more soldiers than in the Soviet one. The difference is that in Poland the already established network of camps was used, while in Soviet Russia (especially in its Central part) the system of camps was created from scratch.

Keywords: Polish-Soviet war, prisoners of war, conditions of detention, labor use, propaganda work, mortality.

Проблема военнопленных польско-советской войны остаётся одной из самых дискуссионных в современной историографии. За последнее десятилетие по данной теме издано немало работ как в Польше, так и в России [36, 29]. Особое место занимают совместные публикации [26, 35, 39, 37]. При этом в указанных и других исследованиях

* Иван Игоревич Родионов — аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). e-mail: vanro.rodionov@yandex.ru

Ivan I. Rodionov — Post-graduate Student, Russian History Department, Smolensk State University (Smolensk, Russia).

основное внимание уделяется трагическим судьбам красноармейцев в польском плену [23]. Однако не менее важным является, с моей точки зрения, исследование положения польских военнопленных в лагерях Советской России.

Первым среди российских специалистов этим сюжетом стал заниматься И.И. Костюшко [24]. Затем исследовались тема польских военнопленных в Сибири [33, 34; 30—32], а также механизмы взаимодействия различных советских ведомств по связанным с ними вопросам [25], деятельность отдельных концентрационных лагерей для них [2, 3, 28 и др.]. История концлагерей, в которых находились поляки, затрагиваются в трудах смоленских исследователей. В сфере научных интересов А.Ф. Гавриленкова — история Рославльского концентрационного лагеря [4—8]. М.Д. Хейсин и Н.В. Нестеров рассматривают смоленские губернские концлагеря в рамках пенитенциарной системы [38]. Ведётся работа в рамках исследовательского проекта «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919—1922 гг.» [21, 22].

Архивные источники, касающиеся организации и функционирования концлагерей и лагерей военнопленных, хранятся в региональных и федеральных архивах, в частности: в областных архивах (в Брянске: Государственный архив Брянской области (ГА БО), в Орле: Государственный архив Орловской области (ГА ОО), в Калуге: Государственный архив Калужской области (ГА КО), в Смоленске: Государственный архив Смоленской области (ГА СО), Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИ СО); архивный отдел Рославльского района), в федеральных: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). В областных архивах хранятся фонды концентрационных лагерей (в ГАСО — фонд Р-136 «Смоленский концентрационный лагерь»; ГАБО — фонд Р-2376 «Брянский губернский концлагерь»; в Рославле: фонд № 338 «Рославльский концентрационный лагерь»; ГАОО — фонд Р-1716 «Орловский концлагерь»; ГАКО — фонд Р-967 «Концентрационный лагерь Калужского губернского управления местами заключения»), содержащие источники по лагерям военнопленных. В них содержатся нормативные документы, переписка с ГУПРом, доклады о деятельности подразделов принудительных работ, отчёты о работе лагерей и т.д. В ГАРФе (ф. 393, оп. 89 «Главное управление принудительных работ») дублируются отчёты с мест и хранится переписка с губернскими ведомствами.

Первые документы, относящиеся к попавшим в плен польским солдатам, датируются весной 1919 г. Данные демонстрируют низкий приток военнопленных в начале года. К концу года он увеличился в 10 раз (ноябрь 1919 г.), затем снова наблюдается спад. Всего на За-

падном фронте за период с февраля по декабрь 1919 г. было пленено 1 431 чел. По данным Костюшко, всего за 1919 г. было пленено около 1 500—2 000 поляков [35, с. 4].

Что касается пленных красноармейцев, то, по подсчётам Г.Ф. Матвеева, в плен попало: в 1919 г. — не менее 29 293, в 1920 г. — 177 584 чел. Первые документы по ним датируются весной 1919 г. [29, с. 58]. Их отсылали в сборные пункты при штабах дивизии (с 11 июля 1919 г. на пленного заводили карточку), затем направляли на распределительные станции (действовали вне фронта в зоне действия этапов). За них сначала отвечали фронтовые части, а затем командование этапов. При каждой станции состоял офицер, отвечавший за распределение пленных. 30 июля 1920 г. началась ускоренная эвакуация пленных из прифронтовой зоны.

Сравнивая данные, видим, что в польский плен попало в 20 раз больше солдат, чем в советский. Поэтому польская сторона сразу переправляла пленных на распределительные станции, а оттуда в лагеря. В Советской России в начале 1919 г. не были подобной инфраструктуры и поэтому сначала пленных содержали при армиях. И только с середины 1919 г. стали появляться концлагеря, в которые позже стали направлять польских военнопленных. В Польше система создавалась более централизованной (пленные находились в ведении военного министерства и Верховного командования армии), в то время как в Советской России она была децентрализована, т.к. состояла из не соподчинённых ведомств. Только с сентября 1920 г. польских военнопленных передали в ведение одного ведомства (ГУПР).

Первые концентрационные лагеря были созданы в Москве и Петрограде после выхода 15 апреля 1919 г. постановления ВЦИК об организации лагерей принудительных работ (концлагерей). По состоянию на 25 июня в пределах Москвы функционировало четыре лагеря: Ново-Песковский распределитель, Покровский, Андроньевский, Кожуховский распределительный пункт № 13 [9, л.]. Часть военнопленных содержалась в Кожуховском лагере, который объединял в себе сборно-распределительный, эвакуационный, питательный пункты и лагерь [9, л. 8—9, 24—24 об.].

В Брянской, Орловской, Смоленской, Калужской губ. в 1920—1921 гг. существовало несколько лагерей для польских военнопленных. В Смоленской — три лагеря (Смоленский — образован 1 августа 1919 г., закрыт 23 октября 1922 г.; Рославльский — организован 15 сентября 1920 г. в Минске [1]. В Рославле просуществовал с октября 1920 по 20 января 1921 г.; лагерь военнопленных — в 1919 г. в подчинении Смоленского губпленбежа [20], 19 ноября 1920 г. передан в ведение Смоленского подотдела принудительных работ [18, л.

100—101 об.], функционировал до 5 июня 1921 г. [13, л. 5]). В Брянской — два (в Брянске — создан в августе 1919 г., закрыт в начале 1923 г.; в Бежице — работал до лета 1921 г.). В Орловской — два (в феврале 1920 г. создан концлагерь № 1, 20 июня организован лагерь № 2, который проработал до 1 мая 1921 г.). В Калужской — один (лагерь начал функционировать 24 июля 1919 г.) [11, л. 40]. Пленных поляков присылали партиями по 500—600 чел. Сначала их размещали в губернском концлагере, а затем оттуда часть переводили в отдельный лагерь. Средняя численность пленных в лагерях варьировалась в пределах 100—200 чел.

Помещения для лагерей в губерниях не были типизированы. К весне 1920 г. Смоленский концлагерь занимал три двухэтажных корпуса [38, с. 278], военнопленные располагались в отдельных корпусах. Рославльский лагерь представлял из себя двухэтажный корпус [6, с. 32]. Лагерь не был изолирован от внешнего мира, так как в его дворе размещались службы советских учреждений [8, с. 193]. Брянский располагался в трёхэтажном каменном корпусе бывшей тюрьмы. Бежицкий находился при Брянском государственном заводе и занимал четыре барака [27, с. 118]. В Орловской губ. первый концлагерь был организован в центральном рабочем доме [14, л. 90]. В лагере имелось три кирпичных двухэтажных здания. Лагерь для польских военнопленных в Орле сначала размещался в бывшем пункте пленных Первой мировой войны [10, л. 41—41 об.]. В конце ноября 1920 г. лагерь перевели в помещение бывшего дворянского пансиона [10, л. 166 об.]. В Калуге концлагерь сначала размещался в доме бывшего Союза учителей, расположенном на окраине города. Оно состояло из двух этажей, в нём имелось 11 комнат. Три комнаты использовали под канцелярию лагеря, околоток и караульные помещения, а остальные — под камеры [12, л. 40]. 7 мая 1920 г. лагерь перевели в помещение бывшего Лаврентьевского монастыря, который располагался в двух верстах от Калуги [12, л. 439].

Стационарные лагеря для военнопленных впервые созданы австро-венгерской и германской армиями во время Первой Мировой войны [29, с. 77]. С февраля 1919 г. пленных размещали в лагерях Малой Польши, но по мере увеличения числа пленных было решено восстановить бывшие немецкие лагеря, находившиеся на территории бывшего Царства Польского и польских земель в составе Германии. Помимо стационарных лагерей в разное время действовали более мелкие заведения для пленных. 19 августа 1919 г. министерство военных дел определило назначение и нумерацию лагерей, а также рабочих отрядов, а в конце ноября — начале декабря 1920 г. потребовало нового целевого назначения уже существующих лагерей и открытия новых. Лагеря ликвидировались по мере выезда пленных

красноармейцев на родину. Деятельность стационарных лагерей регулировала инструкция I (организационного) департамента МВД от 17 мая 1919 г. [29, с. 80]. Согласно инструкции, во главе лагеря стоял начальник с правами командира полка. В его распоряжении были рота охраны и надзирательное подразделение. Распоряжением МВД от 11 июля 1919 г. уточнялся порядок учёта пленнных, установленный 17 мая [29, с. 82]. 21 июня 1920 г. вышла инструкция, в которой отмечалось, что существующие лагеря имели смешанный характер [29, с. 79]. В Польше большую часть лагерей ликвидировали в течение 1921 г. (с 10 августа по 7 сентября), отдельные проработали до 1923—1924 гг. В Советской России лагеря закрыли весной—летом 1921 г.

Рассмотрим численность польских военнопленных в лагерях. Оно колебалось от 50 (Калуга) до 8 000 (Красноярск). В большей части лагерей численность пленных превышала 300 чел. (37%), затем шли лагеря с численностью 200—300 чел. (26,3%), далее — с численностью 50—100 или меньше 50 (13%), меньше всего было лагерей с численностью 100—200 чел. (10,5%). В целом местные власти придерживались приказов ГУПР о концентрации пленных в лагерях по 200—300 чел. Это позволяло следить за ними, а также обеспечивать условия для жизни.

В Польше в 1919 г. контингент лагерей делили на три группы: «большевистские», украинские, интернированные. К концу года в 50% лагерей не было представителей первой. В оставшихся процент пленных красноармейцев колебался в пределах 30—40% от общего количества и лишь в одном (№ 4 в Пикулице) составлял 68,3%. Всего их насчитывалось 1000—2800 чел. Процент украинских пленных колебался в пределах 60—70%. Интернированные составляли 20—30% [26, с. 96—97]. Общая численность контингентов насчитывала 2000—3800 чел. и лишь в одном лагере (№ 1 Стшалково) их было около 10,5 тыс. (на 9 марта 1920 г.) [26, с. 176]. В 1920 г. число пленных красноармейцев находилось в пределах 3000—5000 чел. и лишь в Стшалково — 16 700 (на 25 ноября 1920 г.). В отчётных документах указывали только количество пленных в лагере и исключали число пленных красноармейцев на работах. Лагерная система оказалась перегружена из-за притока пленных красноармейцев.

В конце 1919 — середине 1920 г. проблемы советских лагерей для польских военнопленных заключались в необустроенности помещений, необеспеченности одеждой и обувью, дезорганизации санитарно-гигиенического обслуживания. Меры к улучшению стали приниматься ГУПР после сообщения Польским отделом ПУР информации о состоянии с сентября 1920 г. Условия быта и жизни стабилизировались под конец года. Положение пленных зависело от следующих факторов: экономической и жилищной ситуации в гу-

бернии, лояльности местных учреждений (губкварткома, губпродкома и т.д.), администрации лагерей.

Картину условий жизни в польских лагерях обрисовал начальник санитарного департамента министерства военных дел Польши З. Гордыньский в докладной записке от 2 декабря 1919 г. Он оценил положение пленных красноармейцев как тяжёлое из-за нехватки продовольствия, одежды, обуви, белья, необходимости помешений, переполненности лагерей, присылки здоровых пленных вместе с больными, невозможности массовой изоляции, недостатков в организации и оборудовании лазаретов и лагерных госпиталей. Главная причина этого — «неповоротливость и безразличие, пренебрежение и невыполнение своих прямых обязанностей» [26, с. 108]. Военный министр К. Соснковский в своем приказе от 6 декабря 1920 г. констатировал то, что распоряжения и приказы ведомства по вопросам правильного обращения с пленными сталкивались «с неумением и непониманием соответствующих исполнительных органов» [26, с. 430].

Средний процент умерших польских военнопленных от общего количества содержащихся в лагерях — 5%. В лагерях процент умерших колебался от 3 до 7%. В целом, согласно спискам, по Центральной России умерло 466 военнопленных. Эта цифра не противоречит указанной Костюшко, но пока в неё не включены данные по Северу, Уралу, Сибири, а также Украине и Белоруссии. Численность умерших красноармейцев не поддаётся точному учёту, т.к. не обнаружены материалы Центрального бюро [29, с. 103]. Матвеев предполагает, что могло умереть от 25 до 28 тыс. чел. (18%) [29, с. 104].

Среди пленных красноармейцев в Польше не велось никакой культурно-просветительской работы (за исключением агитаторов антисоветских формирований) [29, с. 89—90]. Пропагандистская работа отмечалась в инструкции министерства военных дел от 3 сентября 1920 г. [29, с. 87]. Её предполагалось вести среди следующих категорий пленных: В — польской национальности (работа «по национальному просвещению»); С — среди украинцев с Правобережной Украины (агитация к вступлению в армию Петлюры); D — русских (выходцы из Псковской, Витебской, Минской, Смоленской губ. могли стать объектом эмиссаров генерала С. Балаховича, а среди русских из других регионов работу должен был вести Русский политический комитет Б. Савинкова). 21 сентября 1920 г. военное министерство запретило вести агитационную работу среди пленных во фронтовых заведениях и ограничило её стационарными лагерями в Тухоля, Вадовиче, Стшалково, Пикулице [29, с. 90]. Таким образом, в Советской России в военнопленных видели возможных союзников, в то время как в Польше — лишь ресурс для пополнения анти-

советских формирований. Также можно утверждать, что политработа не способствовала массовому превращению польских пленных в сторонников советской власти из-за присущей им инертности.

Военнопленных «мобилизовали» на работы в регионах. 7 сентября 1920 г. межведомственная комиссия постановила прировнять заработную плату поляков к оплате трудармейцев. Основная информация об использовании их труда содержится в циркуляре НКВД и ГУПР «О нормах оплаты труда и о порядке учинения расчёта с военнопленными и заключенными» [18, л. 80—80 об.]. Военнопленные работали в Смоленской губ.: в мастерских лагеря; при железнодорожных станциях; по специальности вне лагеря; на предприятиях губернии [16, л. 55, 93, 128; 19, л. 91—91 об.]; при советских учреждениях [16, л. 31, 89, 111, 142, 144; 19, л. 104, 136-136 об., 149, 223.]. В Брянской губ. большая часть пленных работала на ударном заводе [10, л. 8]. В Орловской губ. на 8 декабря 1920 г. часть пленных была занята в канцелярии лагеря, в приготовлении пищи и уборке. Также пленные работали в губтыле, при хуторах, сушильном заводе [15, л. 73 об.].

Тяжелые условия жизни в стационарных лагерях в Польше являлись значительным стимулом к добровольной записи в рабочие отряды (дружины, роты). Инструкция для лагерей военнопленных I департамента министерства военных дел от 17 мая 1919 г. разрешала использовать военнопленных на работах в военном ведомстве при условии, что эти работы не были связаны с боевыми действиями. Вопрос о формировании рабочих команд и железнодорожных рот, занятых на работах вдали от лагеря, передавался в ведение военного министерства [29, с. 115]. Оно же имело право выделять военнопленных для работы у частных предпринимателей или землевладельцев. Если место работы располагалось недалеко, и пленные возвращались в лагерь, то вопрос об их использовании могло решать командование генерального округа.

В августе 1919 г. ведомство издало приказ об организации рабочих команд. Такие отряды могли формироваться только в стационарных лагерях. Штатный состав определялся в 300 чел., а железнодорожной роты — 250. Детально отдельные вопросы использования пленных на работах прописаны в инструкции министерства военных дел от 21 июня 1920 г. Согласно ей рабочие команды должны были замещать гражданских на работах, которые требовали большого количества рук — железнодорожное строительство, выгрузка продуктов и др. [29, с. 115—116].

Количество рабочих команд, в которых были заняты пленные красноармейцы, не было постоянным. В конце 1919 г. их было не менее 20. В ноябре 1920 г. количество возросло до 78, а железно-

дорожных рот — до 7. На рубеже 1920—1921 гг. их совокупное количество достигло 114. Всего в рабочих отрядах в ноябре — начале декабря 1920 г. состояло около 25 тыс. пленных. Их также прикомандировывали поодиночке к различным военным, государственным и даже частным учреждениям в полосе ответственности Верховного командования (например, военные госпитали, канцелярии и т.д.). В начале декабря 1920 г. в распоряжении Ставки Верховного командования находилось от 3 до 5 тыс. пленных [29, с 118—119].

В РСФСР из-за мобилизации населения на фронты Гражданской войны и общей нехватки рабочих рук труд польских военнопленных был востребован. Их «мобилизацией» частично закрывался дефицит рабочей силы в регионах. Труд оплачивался по нормальным расценкам, в снабжении их приравнивали к красноармейцам и т.д. В Польше в пленных красноармейцах видели трудовой ресурс. В 1919 г. при дивизиях использовали «дикие» трудовые отряды из них. Ещё одно отличие — деление пленных на категории по здоровью для определения их на работу. Сходство в том, что пленные по большей части использовались на неквалифицированной работе (железнодорожное строительство, погрузка и разгрузка и т.п.). Польша изначально организовывала пленных в трудовые отряды/дружины, в то время как в советской России идею рабочей организации пленных стали развивать с августа 1920 г.

Таким образом, первые данные о пленных у сторон конфликта появились весной 1919 г. В польский плен попало в 20 раз больше солдат, чем в советский. Обе стороны заложили основы систем по делам пленных. В то же время, в Польше система создавалась более централизованной. В РСФСР в военнопленных видели возможных союзников, в то время как в Польше в пленных красноармейцах видели лишь ресурс для пополнения солдат в антисоветских формированиях.

Список литературы

1. Архивное отделение Рославльского района. Ф. 2873/388. Оп. 1. Д. 1.
2. *Белова И.Б.* Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919—1923 гг. URL: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/5.html (Дата обращения 14.09.2020 г.)
3. *Володин С.Ф.* Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в период военного коммунизма. URL: <https://cyberleninka.ru> (Дата обращения: 14.09.2020 г.)
4. *Гавриленков А.Ф.* Рославльский концентрационный лагерь принудительных работ (1920—1921) // Край Смоленский. 2000. № 5—6. С. 64—69.
5. *Гавриленков А.Ф.* Рославльский концентрационный лагерь принудительных работ (1920—1921) // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 170—172.

6. *Гавриленков А.Ф.* Страницы истории Рославля первых лет Советской власти. 1918—1922 гг. Смоленск, 2005. 76 с.
7. *Гавриленков А.Ф.* Рославльский концентрационный лагерь принудительных работ (1920—1921 гг.): история создания и структура // *Край Смоленский*. 2015. № 10. С. 46—50.
8. *Гавриленков А.Ф.* Система концентрационных лагерей в Смоленской губернии в период советско-польской войны 1920—1921 гг. // *Studia internationalia: материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях. X—XX вв.»* (1—3 июля 2015 г.). Брянск: РИО БГУ, 2015. С. 191—195.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 393. Оп. 89. Д. 156.
10. Государственный архив Брянской области (ГА БО). Ф. Р-2376. Оп. 1. Д. 8.
11. Государственный архив Калужской области (далее — ГА КО). Р-967. Оп. 2. Д. 173.
12. ГА КО. Р-967. Оп. 2. Д. 173.
13. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИ СО). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1167.
14. Государственный архив Орловской области (далее — ГА ОО). Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 1.
15. ГА ОО. Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 20.
16. ГА ОО. Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 35.
17. Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО). Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 30.
18. ГА СО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 59.
19. ГА СО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 83.
20. ГА СО. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 47.
21. *Кодин Е.В., Родионов И.И.* Польские военнопленные в Рославльском и Смоленском концентрационных лагерях в 1920—1922 гг. // *Известия Смоленского государственного университета*. 2018. № 2. С. 341—358.
22. *Кодин Е.В., Родионов И.И.* Социальный портрет польских военнопленных, содержавшихся в лагерях Смоленской губернии (1920—1921 гг.) // *Известия Смоленского государственного университета*. 2019. № 3. С. 377—395.
23. *Корнилова О.В.* Красноармейцы в польском плену (1919—1922): основные направления современной российской и польской историографии // *Известия Смоленского государственного университета*. 2019. № 4. С. 355—373.
24. *Костюшко И.И.* К вопросу о польских пленных 1920 г. // *Славяноведение*. 2000. № 3. С. 42—63.
25. *Костюшко И.И.* Польское бюро ЦК РКП(б). 1920—1921 гг. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. 144 с.
26. *Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг. Сборник документов и материалов.* М.: СПб.: Летний сад, 2004. 912 с.
27. *Крашенинников В.В.* Брянский концентрационный лагерь в 1920—1922 гг. // *Страницы истории города Брянска: материалы историко-краеведческой конференции*. Брянск, 1997. С. 113—120.
28. *Лышковская И.* Смоленский концентрационный лагерь // *Край Смоленский*. 2006. № 8. С. 48—53.
29. *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919—1921 гг. М., 2011. 173 с.

30. *Оплаканская Р.В.* Деятельность представительства Смешанной комиссии в Сибири по репатриации польских военнопленных в 1921 г. // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. № 3. С. 120—127.
31. *Оплаканская Р.В.* Положение польских военнопленных в Сибири в начале 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. С. 116—119.
32. *Оплаканская Р.В.* Трудная дорога домой. О репатриации военнопленных 5-й польской стрелковой дивизии на юге Сибири в 1921 г. // Europa Orientalis. 2015. № 6. С. 59—72.
33. *Островский Л.К.* Польские военные в Сибири (1904—1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. №. С. 88—92.
34. *Островский Л.К.* Советская власть и польское население Западной Сибири (первая половина 1920-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 56—59.
35. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919—1922 гг.): документы и материалы / Публ. И.И. Костюшко. М., 2004. 404 с.
36. *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Военнопленные Красной армии в польских лагерях (1919—1924 гг.). М., 2008. 113 с.
37. Советские военнопленные в Польше 1920—1921 гг.: сборник сообщений Секции военнопленных и интернированных Штаба Министерства военных дел. Торунь, 2013.
38. *Хейсин М.Д., Нестеров Н.В.* Привкус горечи: смоленские тюрьмы (1917—1929). Смоленск: Свиток, 2016. С. 274—295.
39. *Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej w latach 1919—1922: Materiały archiwalne.* Warszawa: Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych, 2009. 654 p.

Формирование и изменение тактики Коммунистического Интернационала в 1919—1922 гг.

Аннотация. Статья посвящена эволюции тактики III Интернационала на страницах главного периодического издания Коминтерна — «Коммунистического Интернационала» (авторами которых выступали его лидеры и ведущие теоретики) в 1919—1922 гг.** Политическая линия Коминтерна в изучаемый период достаточно часто претерпевала серьезные перемены, однако журнал как исторический источник практически не изучается современными историками. Сделан вывод, что характер публикаций идеологов отражал курс организации на протяжении первых четырех лет её деятельности.

Ключевые слова: ИККИ, мировая революция, «21 условие», стабилизация капитализма, НЭП, единый рабочий фронт.

FORMATION AND CHANGE OF TACTICS OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL IN 1919—1922

Abstract. The article is devoted to the evolution of the tactics of the Third International, based on publications in the main periodical of the Comintern “Communist International” (the authors of which were its leaders and leading theorists) in 1919—1922. The political line of the Comintern during the period under study quite often underwent serious changes, but the journal “Communist International” as a historical source was practically not studied by modern historians. It is concluded that the nature of the publications of the ideologists of the Comintern reflected the course taken by the organization during the first four years of its activity.

Keywords: Executive Committee of the Communist International, world revolution, “21 conditions”, stabilization of capitalism, NEP, united workers’ front.

Историческая актуальность изучения деятельности Коминтерна заключается в необходимости дать всестороннюю и объективную оценку деятельности этой революционной организации, созданной в СССР, неразрывно идейно-политически, организационно и материально связанной с РКП(б)—ВКП(б) и оказывавшей значительное влияние на

* Илья Алексеевич Суздальцев — соискатель учёной степени кандидата исторических наук кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; учитель истории школы № 1381 (Москва, Россия). e-mail: ialoko90@mail.ru

Илья А. Suzdaltsev — Applicant for the Degree of Candidate of Historical Sciences of the Department of Contemporary History of Russia, Moscow State Regional University; History Teacher at School № 1381 (Moscow, Russia).

** В статье также используется № 25 «Коммунистического Интернационала» за 1923 г., поскольку статьи из него посвящены событиям 1922 г.